

А. Б. БРЕЙДАК

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ БАЛТИЗМОВ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ ИСТОРИИ БАЛТИЙСКОГО ВОКАЛИЗМА

В статье рассмотрены два вопроса: 1) конвергенция общепалтийских долгих гласных $*\bar{o}$ (< и.-е. $*\bar{a}$) и $*\bar{e}$ (< и.-е. $*\bar{e}$) в балтизмах финно-угорских языков; 2) рефлексy общепалтийского дифтонга $*ei$, долгих гласных $*\bar{o}$ и $*\bar{e}$ (< и.-е., балт. $*ei$) и балтийских диалектных долгих гласных $*\bar{u}$ (< $*\bar{o}$) и $*\bar{i}$ (< $*\bar{e}$) в балтизмах финно-угорских языков.

I

Общепалтийские долгие гласные $*\bar{o}$ и $*\bar{e}$ в балтизмах финно-угорских языков дали одинаковые рефлексy. С одной стороны, в первом слогe балтизмoв прибалтийско-финского праязыка общепалтийский долгий гласный $*\bar{o}$ всегда передан долгим гласным $*\bar{o}$ (> вод. \bar{o} , o , эст. oo , o , фин. uo , o , карел. uo , вепс. o), напр., эст. *voho* 'коза', фин. *vuohi* то же, *vohla* 'козленок', ср. др.-прус. *wosee* 'коза', лит. *oškà* то же (см. Thomsen, 1890, p. 205; Būga, 1961, p. 494; Endzelins, 1980, lpp. 131; Kalima, 1936, p. 181; Хакулинен, 1955, с. 41; Nieminen, 1957, p. 192, 197; Sabaliauskas, 1963, p. 129; Stang, 1966, p. 24, 37; Breidaks, 1975, lpp. 95; Брейдак, 1980 а, с. 76). С другой стороны, в первом слогe одного балтизма прибалтийско-финских языков общепалтийский долгий гласный $*\bar{o}$ передан также прибалтийско-финским долгим гласным $*\bar{o}$, т.е. финским uo : фин. *tuode* 'шурин; деверь; муж сестры; свояк', ср. лтш. диал. *znuōtis* 'зять; муж сестры' (см.: Thomsen, 1890, p. 251; Būga, 1908, p. 24; Kalima, 1936, p. 142; Nieminen, 1957, p. 192—193; idem, 1959, p. 205—206; Toivonen, Itkonen, Joki, 1958, p. 299—300; Sabaliauskas, 1963, p. 123). В непервом слогe балтизмoв прибалтийско-финских и волжско-финских языков общепалтийские долгие гласные $*\bar{o}$ и $*\bar{e}$ также переданы одним звуком — кратким гласным o , напр., фин. $*Vuojo$ 'Готланд' в слове *vuojolainen* 'готландец', эст. *Oju-maa* 'Готланд' (< $*Ojo$ -*maa*) (ср. лит. *Vokia* 'Германия', лтш. *Vāsa*) и фин. *Vuojon-maa* 'Эланд' (< балт. $*vōkjōn$ $*žetē$, ср. лит. *vōkių žėtė* 'Германия', лтш. *vāsi zete* то же) (см.: Nieminen, 1934, p. 62—63; Брейдак, 1980 б, с. 106); морд. *муроро* 'зад' (ср. лтш. диал. *tugora* 'спина') (см.: Thomsen, 1890, p. 153; Šmits, 1933, lpp. 7; Loja, 1968,

lpp. 83; Брейдак, 1980 а, с. 79) и мар. *шормо* 'рысь; куница' (ср. лит. диал. *šarmiõ* 'дикая кошка; горностай') (см.: Топоров, Трубачев, 1962, с. 248; Брейдак, 1980 а, с. 73; он же, 1980 б, с. 106); некоторые языковеды принимают противоположное направление заимствования, т.е. из уральских языков в индоевропейские (см. Vednarczuk, 1976, p. 46; idem, 1977, p. 103)¹.

Так как в прибалтийско-финских языках наличествуют корреляции гласных $\bar{a} - \bar{o}$ (вод. \bar{o} , o ; эст. oo , o ; фин. uo , o ; карел. uo ; вепс. o) и $a - o$, а в волжско-финских языках корреляция $a - o^2$, то приведенные примеры балтизмов в финно-угорских языках несомненно свидетельствуют в пользу предположения, что и.-е. долгий гласный $*\bar{a}$ в общепалтийском праязыке развился в долгий открытый гласный $*\bar{o}$.

¹ В пользу балтийской и индоевропейской этимологии лит. диал. *šermiõ*, *šarmiõ* 'горностай', лтш. *šērmulis* 'горностай', лтш. диал. *sařmulis* 'горностай; ласка; кролик' можно выдвинуть следующие аргументы. Во-первых, в заимствованных словах в латышском языке прерывистая интонация, за исключением некоторых случаев, отсутствует (см.: Endzelins J. Latviešu valodas gramatika. — Rīgā, 1951, lpp. 39). В корне же слов латышского языка *šērmulis*, *sařmulis* наличествует прерывистая интонация. Во-вторых, обсуждаемые слова балтийских языков имеют полную и нулевую ступени чередования гласного в корне, напр., лит. диал. *šermiõ*, *šarmiõ* : лит. диал. *širmuonēlis* 'горностай'. В заимствованных же словах корневой аблаут отсутствует. В-третьих, обсуждаемые слова балтийских языков имеют и другие родственные слова в балтийских языках, напр., лит. *šarmà*, лит. диал. *šařmas* 'иней, изморозь', лтш. *sařma* то же. В-четвертых, обсуждаемые слова балтийских языков имеют родственные слова и в других индоевропейских языках, напр., укр. диал. *соромáха* 'росомаха' (< праслав. $*sormoxa$), др.-в.-нем. *harmo* 'горностай', ретороман. *carmû*, *carmûn* 'ласка'. Поэтому специалисты по балтийской, славянской, германской и индоевропейской этимологии не сомневаются в исконно индоевропейском происхождении обсуждаемых слов балтийских языков. См.: Mühlenbach K. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Riga, 1927–1929, Bd 3, S. 722; Fraenkel. LEW, S. 965; Трубачев О. Н. Из истории табуистических названий. — Вопросы славянского языкознания. М., 1958, вып. 3, с. 120–124; Трубачев О. Н. Еще раз об этимологии слова *росомаха*. — Славянское языкознание: Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1960, т. 28, с. 74; Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 20 / Auflage bearbeitet von W. Mitzka. — Berlin, 1967, S. 915; Pokorny, IEW, Bd 1, S. 1183.

² В прибалтийско-финском праязыке долгие гласные могли быть только в первых слогах, краткие же — как в первых, так и непервых. Долгие гласные в непервых слогах в прибалтийско-финских языках возникли позже в результате выпадения согласных и слияния кратких гласных смежных слогов. В вепсском языке все первоначальные долгие гласные под влиянием русского языка сократились (см.: Основы финно-угорского языкознания / Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки /. — М., 1975, с. 37, 44).

В волжско-финских (марийских и мордовских) языках наличествуют только краткие гласные (см.: Языки народов СССР / Финно-угорские и самодийские языки /. — М., 1966, т. 3, с. 178, 200, 224, 242). Поэтому в заимствованных словах общепалтийские долгие гласные $*\bar{o}$ и $*\bar{õ}$ в волжско-финских языках во всех позициях были заменены кратким гласным o .

В одном балтизме прибалтийско-финских языков общепалтийский корневой долгий закрытый гласный **ō* дал рефлекс **ō* (> фин. *uo*): фин. *nuode* 'шурин; деверь, муж сестры; свояк', ср. лтш. диал. *znuōtis* 'зять; муж сестры' (см.: Thomsen, 1890, p. 251; Būga, 1980, p. 24; Kalima, 1936, p. 142; Nieminen, 1957, p. 192–193; idem, 1959, p. 205–206; Toivonen, Itkonen, Joki, 1958, p. 299–300; Sabaliauskas, 1963, p. 123; Брейдак, 1980 б, p. 106–107).

В одном балтизме волжско-финских языков общепалтийский суффиксальный долгий закрытый гласный **ō* в первом слоге дал рефлекс *o*: мар. *шормо* 'рысь; куница', ср. лит. диал. *šarmuō* 'дикая кошка; горностаи' (см.: Топоров, Трубачев, 1962, с. 248; Брейдак, 1980 а, с. 73).

В других случаях вместо ожидаемого прибалтийско-финского долгого гласного **ō* (вод. *ō*, эст. *oo*, *o*, фин. *uo*, *o*, карел. *uo*, вепс. *o*), отображающего общепалтийский корневой долгий закрытый гласный **ō*, в балтизмах наличествует долгий гласный *ū* (вепс. *u*), напр., фин. *juutas* 'дьявол, черт', эст. *juudas* то же, ср. лтш. *juōds* 'бес, черт, злой дух', лит. *jūodas* 'черный' (см.: Būga, 1908, p. 21; Endzelīns, 1974, p. 632; Брейдак, 1980 б, с. 107)³,? фин. *kuuja* 'лосось пресных водоемов', фин. *kuujas* 'форель', ср. лит. *kuojà* 'плотва' (см.: Būga, 1908, p. 24; Endzelīns, 1974, lpp. 632; Брейдак, 1980 б, с. 107), фин. *luuta* 'метла; веник', эст. *luud* 'метла', ср. лит. *šluota* 'метла; помело', лтш. *sluōta* то же (см.: Thomsen, 1890, p. 225–226; Būga, 1980, p. 21; Endzelīns, 1974, lpp. 632, 635; Nieminen, 1934, p. 7, 13, 40, 63; idem, 1957, p. 187; idem, 1959, p. 206; Kalima, 1936, p. 135–136; Хакулинен, 1955, с. 41; Toivonen, Itkonen, Joki, 1958, p. 316; Sabaliauskas, 1963, p. 122; Брейдак, 1980 б, с. 107).

В части балтизмов прибалтийско-финских языков сохранен общепалтийский дифтонг **ei*, позже превратившийся в восточнобалтийских языках благодаря долгому закрытому гласному **ē* в дифтонг *ie*, напр., фин. *heinä* 'трава; сено', эст. *hein* 'сено', ср. лит. *šiėnas* 'сено', лтш. *siens* то же (см.: Thomsen, 1890, p. 223; Būga, 1961, p. 494; Kalima, 1936, p. 99–100; Хакулинен, 1955, с. 41; Toivonen, 1955, p. 64–65; Sabaliauskas, 1963, p. 116; Breidaks, 1975, 98), фин. *heitiä* 'цвести

³ Некоторые финские и эстонские языковеды ошибочно объединяют омонимы — фин. *juutas* 1 'дьявол, черт', *juutas* 2 'негодяй, подлец, мерзавец; плут, мошенник, жулик; проходимец, прощельга; плутишка, проказник' и архаизм *juutas* 3 'еврей', эст. *juudas* 1 'дьявол, черт, злой дух' и *juudas* 2 'Иуда; предатель, изменник' — в одно слово. По мнению Ю. Г. Тойвонена, эти слова заимствованы из Библии: их источником является имя библейского персонажа Иуды Искарота (см.: Toivonen, 1955, p. 127). Относительно фин. *juutas* 2 и эст. *juudas* 2 это мнение финского этимолога правомерно. Выводить же фин. *juutas* 1 и эст. *juudas* 1 из того же библейского источника нет никаких оснований.

(о ржи, ячмене)', ср. лит. *žiedas* 'цветок', лтш. *ziēdēt* 'цвести' (см.: Топоров, Трубачев, 1962, с. 247; Breidaks, 1975, lpp. 98)⁴, фин. *seinä* 'стена', эст. *sein* то же, ср. лит. *siena* 'стена', лтш. *siēna* то же (см.: Thomsen, 1890, p. 217; Būga, 1961, p. 494; Kalima, 1936, p. 160; Хакулинен, 1955, с. 41; Sabaliauskas, 1963, p. 126; Itkonen, Joki, 1969, p. 990; Joki, 1973, p. 329; Breidaks, 1975, lpp. 98).

В одном балтизме прибалтийско- и волжско-финских языков кажется сохранились рефлексы общебалтийского долгого закрытого гласного **ē* (< **ei*): вод. *mēli* 'желание', эст. *meel* 'ум, разум; чувство; мнение, взгляд; намерение; память', фин. *mieli* (< **mēli*) 'желание', морд. *мель* то же, ср. лит. *mėilė* 'любовь' (см.: Серебренников, 1957, с. 71)⁵.

В некоторых балтизмах прибалтийско-финских языков вместо ожидаемого дифтонга *ei* или долгого гласного *ē* (> фин., карел. *ie*, вепс. *e*), отображающих общебалтийские **ei*, **ē*, наличествует долгий гласный *ī*, напр., фин. *liika* 'лишний, излишний; излишек', эст. *liig* 'излишек, избыток, чрезмерное количество', ср. лит. *liėkas* 'лишний', лтш. *lieks* то же, но ср. также лит. *lūkius* 'остаток' (см.: Thomsen, 1890, p. 195–196; Kalima, 1963, p. 133; Toivonen, Itkonen, Joki, 1958, p. 292; Sabaliauskas, 1963, p. 121–122; Брейдак, 1980 б, с. 107), фин. *tiine* 'беременная', эст. *tiine* 'стельная (о корове), жеребая (о кобыле), суягая (об овце), ценная (о суке), сукотная (о кошке)', ср. лит. *dienī* 'беременная (о животных); жеребая (о кобыле), стельная (о корове)' (см.: Kalima, 1936, p. 169; Хакулинен, 1955, с. 41; Sabaliauskas, 1963, p. 127; Joki, 1973, p. 326–327, 329; Itkonen, Joki, Pentola, 1975, p. 1292; Брейдак, 1980 б, с. 107).

Согласно критерию В. Штейница о хронологии двоякого отображения общебалтийских смычных согласных *p, t, k* в балтизмах прибалтийско-финских языков⁶ двое из рассмотренных примеров (фин. *luuta* 'метла; веник', эст. *luud* 'метла' и фин. *liika* 'лишний, излишний; излишек', эст. *liig* 'излишек, избыток, чрезмерное количество') относятся к древнейшему слою балтизмов. Не исключена возможность, что и остальные балтизмы прибалтийско-финских языков с долгими гласными *ū, ī* вместо ожидаемых прибалтийско-финских *ō, ei, ē* (> фин., карел. *uo, ei, ie*) относятся к древнему слою заимствований.

⁴ Неубедительна этимология фин. *heitiä*, предложенная Ю. Г. Тойвоненом, который пытался связать это слово с фин. *heisi* 'калина' (см.: Toivonen, 1955, p. 65).

⁵ Фин. *mieli* и родственные ему слова в других прибалтийско-финских, саамском, волжско-финских и пермских языках изолированы и не этимологизируются на финно-угорской основе (см.: Toivonen, Itkonen, Joki, 1958, p. 344).

⁶ Steinitz W. Zur Periodisierung der alten baltischen Lehnwörter im Ostsee-Finnischen. — In: Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, p. 300–301.

Балтизмы прибалтийско-финских языков с разными рефлексами общеприбалтийских * \bar{o} , * ei , * \bar{e} свидетельствуют о ранней диалектной дифференциации североприбалтийского идиома по признаку наличия * \bar{o} , * ei или * \bar{o} , * \bar{e} , или * \bar{u} , * i . Балтизмы с долгими гласными \bar{u} , \bar{i} заимствованы из североприбалтийского диалекта, в котором рано осуществились перегласовки * $\bar{o} > * \bar{u}$ и * $\bar{e} > * i$.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брейдак, 1980 а — Брейдак А. Из истории балтийского вокализма. — *Lingua Posnaniensis*, 1980, № 23, p. 65—79.
- Брейдак, 1980 б — Брейдак А. Б. Некоторые данные финно-угорских языков для истории балтийского вокализма. — IV Всесоюзная конференция балтистов 23—25 сентября 1980 г.: Тез. докл. Рига, 1980, с. 106—107.
- Серебренников, 1957 — Серебренников Б. А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. — *Тр. АН ЛитССР. Сер. А*, 1957, № 1 (2), с. 69—72.
- Топоров, Трубачев, 1962 — Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962.
- Хакулинен, 1955 — Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. — М., 1955, т. 2.
- Bednarczuk, 1976 — Bednarczuk L. Zapożyczenia ugro-fińskie w językach bałto-słowiańskich. — *Acta Baltico-Slavica*, 1976, N, 9, s. 39—64.
- Bednarczuk, 1977 — Bednarczuk L. Finno-Ugric Loans in Baltic. — *Journal of Baltic Studies*, 1977, vol. 8, N 2, p. 99—104.
- Breidaks, 1975 — Breidaks A. Baltijas somu valodu dati baltu vokālisma vēsturei. — *Latvijas PSR ZA Vēstis*, 1975, Nr. 4(333), 90. — 100. lpp.
- Būga, 1908 — Būga K. Aistiški studijai. — Peterburgas, 1908, d. 1.
- Būga, 1961 — Būga K. Rinkiniai raštai. — Vilnius, 1961, t. 3.
- Endzelīns, 1974 — Endzelīns J. Darbu izlase. — Rīgā, 1974, S. 2.
- Endzelīns, 1980 — Endzelīns J. Darbu izlase. — Rīgā, 1980, s. 3, d. 2.
- Itkonen, Joki, 1969 — Itkonen E., Joki A. J. Suomen kielen etymologinen sanakirja. — Helsinki, 1969, vol. 4.
- Itkonen, Joki, Pentola, 1975 — Itkonen E., Joki A. J., Pentola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. — Helsinki, 1975, vol. 5.
- Joki, 1973 — Joki A. J. Uralier und Indogermanen (Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen). — Helsinki, 1973.
- Kalima, 1936 — Kalima J. Itämerensuomalaisen kielen balttilaiset lainasanat. — Helsinki, 1936.
- Loja, 1968 — Loja J. Valodniecības pamatjautājumi. — Rīgā, 1968.
- Nieminen, 1934 — Nieminen E. Der Stammaslaut der ins Urfinnische entlehnten baltischen \bar{a} -Feminina und die Herkunftsfrage. — *Finnisch-ugrische Forschungen. Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde*, 1934, Bd 22, S. 5—66.
- Nieminen, 1957 — Nieminen E. Über einige Eigenschaften der baltischen Sprache, die sich in den ältesten baltischen Lehnwörtern der ostseefinnischen Sprachen abspiegeln. — *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften* 1956. Helsinki, 1957, S. 185—206.

Nieminen, 1959 — Nieminen E. Beiträge zu den baltisch-ostseefinnischen Berührungen. — In: Rakstu krājums. Veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei. Rīgā, 1959, S. 201—210.

Sabaliauskas, 1963 — Sabaliauskas A. Baltų ir Pabaltijo suomių kalbų santykiai. — Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1963, t. 6, p. 109—136.

Stang, 1966 — Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. — Oslo—Bergen—Tromsø, 1966.

Šmits, 1933 — Šmits P. Hērodota ziņas par senajiem baltiem. — Rīgas Latviešu Biedrības Zinātņu komitejas Rakstu krājums. A. Humanitāri raksti, Rīgā, 1933, 21. krājums, 3. — 17. lpp.

Thomsen, 1890 — Thomsen V. Beröringer mellen de finske og de baltiske (litauisk — lettiske) Sprog. — København, 1890.

Toivonen, 1955 — Toivonen Y.H. Suomen kielen etymologinen sanakirja. — Helsinki, 1955, vol. 1.

Toivonen, Itkonen, Joki, 1958 — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J. Suomen kielen etymologinen sanakirja. — Helsinki, 1958, vol. 2.